

Гуманитарные исследования. 2022. № 2 (82). С. 32–36.

Humanitarian Researches. 2022;2(82):32–36.

Научная статья

УДК 81:1751

doi: 10.54398/18184936_2022_2_32

«Дискурсивное сознание» как металингвистическая проблема

Елена Назимовна Бадалова¹, Ксения Николаевна Гущина²

¹Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия

²Астраханский государственный медицинский университет, Астрахань, Россия

¹badalova-e@mail.ru

²k.churzina@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена попытке осмыслить представление о понятие «дискурсивное сознание», введенное Н.Ф. Алефиренко, в металингвистическом аспекте. К работе над проблемой привлекаются данные из области психологии, нейрофизиологии, антропологии и других наук, обосновывающих статус данного понятия как метаязыковой. Кроме того, в статье приводятся анализ дискурсивной и коммуникативно обусловленной структуры слова. Доминантный языковой и когнитивно-дискурсивный инструментарий словесного произведения, а также картины мира, репрезентированный в нём, определяет своеобразие текстовой проекции мышления субъекта речи и получает специфическое лингвистическое оформление знания о мире в дискурсивной структуре. Таким образом, в статье презентуется гипотеза, согласно которой союз лингвистики с научными отраслями принципиально от неё далёкими, негуманитарного толка позволяют не просто устанавливать лингвокогнитивные закономерности репрезентации языковой модели мира, но и реконструировать абстрактную модель мышления субъекта речи.

Ключевые слова: дискурсивное сознание, языковое сознание, когнитивная лингвистика, дискурс, текст, модель, моделирование

Для цитирования: Бадалова Е.Н., Гущина К.Н. «Дискурсивное сознание» как металингвистическая проблема // Гуманитарные исследования. 2022. № 2 (82). С. 32–36. https://doi.org/10.54398/18184936_2022_2_32.

Original article

«Discursive consciousness» as a metalinguistic problem

Elena N. Badalova¹, Ksenia N. Gushchina²

¹Astrakhan State University, Astrakhan, Russia

²Astrakhan State Medical University, Astrakhan, Russia

¹badalova-e@mail.ru

²k.churzina@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to an attempt to comprehend the notion of the concept of "discursive consciousness", introduced by N.F. Alefirenko, in the metalinguistic aspect. Scientists from the field of psychology, neurophysiology, anthropology and other sciences are involved in the work on the problem, justifying the status of this concept as a metalanguage. In addition, the article provides an analysis of the discursive and communicatively conditioned structure of the word. The dominant linguistic and cognitive-discursive tools of a verbal work, as well as a picture of the world, represented in it, determines the originality of the textual projection of the thinking of the subject of speech and receives a specific linguistic formalization of knowledge about the world in the discursive structure. Thus, the article presents a hypothesis according to which the union of linguistics with scientific branches that are fundamentally far from it, of an inhumane nature, allows not only to establish linguocognitive patterns of representation

of the linguistic model of the world, but also to reconstruct the abstract model of thinking of the subject of speech.

Keywords: discursive consciousness, linguistic consciousness, cognitive linguistics, discourse, text, model, modeling

For citation: Badalova E.N., Gushchina K.N. «Discursive consciousness» as a metalinguistic problem. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2022;2(82):32–36. (In Russ.). https://doi.org/10.54398/18184936_2022_2_32.

Теория сознания складывалась в трудах многих ученых различных областей наук – философов, психологов, физиологов – Г. Лейбница, Г. Фейхнера, З. Фрейда, И.М. Сеченова, И.П. Павлова и многих других. Такой масштабный полинаучный диалог лишь подчеркивает актуальность и аргументированность проблемы понятия сознание в самом широком его значении. Лингвистика включилась в данный диалог в середине XX века в результате выделения такой её интердисциплинарной отрасли, как когнитивная лингвистика. За это время лингвистическая мысль трудами выдающихся филологов смогла внести некоторые дополнения и корректировки в намеченный курс решения данной проблемы.

Долгое время проблема корреляции физического мира и картины мира, репрезентуемой в текстовой реальности, оставалась за границами лингвистического осмысления. И только с развитием когнитивной лингвистики и теории речемыслительной деятельности остро поднимается вопрос дефинициальной отнесенности понятия «сознание» как психофизиологического субстрата моделируемой реальности.

При этом необходимо отметить, что в лингвистике само понятие сознания как продукт сложной психической деятельности не является объектом научной рефлексии. Объект настоящего исследования – «дискурсивное сознание» – обуславливает необходимость и значимость в русле лингвокогнитивного подхода к анализу текста использование в содержании работы двух соотносимых друг с другом понятий *языковое сознание* и *дискурсивное сознание*, объединенных общим терминологическим комплексом – речевая деятельность (условия возникновения дискурсивного состояния ума) и речевое поведение (форма реализации специфики языкового сознания субъекта).

Манифестируемая в когнитивной лингвистике мысль о том, что отраженные и объективированные знания и представления об окружающем мире организуются в сознании с помощью определенных структур, а творчески реагирующие люди, в свою очередь, «обладают полной ... моделью собственной ситуации» [8, с. 124], предопределила обращение к таким понятиям когнитивистики, как *модель* и *моделирование*. Вербализованная картина мира фиксирует в тексте результат вторичной интерпретации в виде структурно организованных языковых, дискурсивных, дискурсивно-когнитивных моделей, хранящих не только представления об отраженных предметах и явлениях, но и каузальные, логико-грамматические, аксиологические, объектно-субъектные и другие виды отношений между компонентами ментальных структур. Оперирование указанными понятиями расширяет методический диапазон, что с учётом заявленной цели даёт возможность заглянуть «внутрь производящей системы, то есть внутрь разума» [8, с. 124].

Научно-философская интерпретация феноменов окружающей действительности и вербализация миромодели требует обязательного для автора оперирования широким кругом ключевых понятий как эмпирических, так и теоретических. Однако в процессе реализации индивидуально-авторского миропостроения лингвокреативное мышление создающего неизбежно сталкивается с проблемой нового смыслопорождения. Интересно проследить механизмы смыслопорождения на базе существующих общеизвестных понятий. Способность человека к смыслопорождению в смыслогенетической культурологии [7, с. 301], рассматривающей культуру как полисмысловое пространство, сознание понимается как способность к семантическому кодированию воспринимаемых объектов действительности и его последующей фиксации в тексте.

Проблема исследования «дискурсивного сознания» фокусирует свой исследовательский потенциал на двух коррелирующих между собой гипотезах. Первая гипотеза (У. Чейфа, 2009) выражает обусловленность языковых явлений процессами, происходящими в сознании субъекта речи. Вторая – (Н.Ф. Алефиренко, 2015) рассматривает текст как знаковый комплекс, «в котором оказываются запечатленными направленность и состояние сознания человека, его личностные логические оценки и эмоциональные реакции на предмет (тему)» [1, с. 119]. Обе гипотезы высказаны в контексте теории дискурса и дискурсивной

деятельности как имманентного свойства сознания человека. Диалогическая природа текста и зафиксированная в нем проекция авторского языкового сознания даёт основания предположить, что словесное произведение несет в себе отпечаток индивидуально-авторского лингвокреативного мышления, материализованного в языке и дискурсивно-когнитивной структуре языковой картины мира.

Психологическая теория сознания А.Н. Леонтьева фундируется на принципиальном различии полей – «поля восприятия» и «поля сознания», которые зачастую отождествляются неискушенным сознанием субъекта речи. Существует концептуальная разница между условно объективным миром, миром психически отраженным в сознании и проекцией этого отраженного мира в тексте. Какой знак – равенства или неравенства – можно поставить между указанными миромоделями? Какие механизмы перехода существуют между этими репрезентованными преобразованиями? Эти вопросы попадают под «юрисдикцию» металингвистической науки, как вопросы, регламентирующиеся и регулирующие словом и словесными образами и представлениями:

«Объективный мир»	Психическое отражение мира	Текстовая картина мира
--------------------------	---------------------------------------	-----------------------------------

Содержание продуктивной работы сознания субъекта в психологии раскрывается через понятия образ и представление. Механизмы восприятия и конструирования реальности и её ревоспроизведения, основаны на деятельности, управляемой сознанием и являющейся по сути «преобразованной формой проявления тех общественных по своей природе отношений, которые осуществляются деятельностью человека в предметном мире» [3, с. 99]. То есть картина мира, запечатленная в тексте, содержит не отраженный образ или представления предметного мира, а образ самой деятельности субъекта. Следовательно, предложенная выше триада разбавляется еще одним звеном:

«Объективный мир»	Лингвокреативная деятельность субъекта	Психическое отражение мира	Текстовая картина мира
--------------------------	---	---------------------------------------	-----------------------------------

Так, сам феномен сознания, явленный в моделях, образах, представлениях и других полевых структурах высшей нервной деятельности субъекта, не может быть «схвачена» напрямую: оно регулируется и опосредуется деятельностью (в русле когнитивно-дискурсивного подхода к речемыслительной и лингвокреативной деятельности). Деятельность – конституирующая объективированная часть звена, которая, с одной стороны, доступна анализу, с другой, – производит некий личностный конструкт, подлежащий исследованию и хранящей следы «реального момента в движении деятельности».

Язык в теории перехода от объекта к продукту деятельности выступает то самой прослойкой, которая осуществляет процесс трансформации – преобразование предметного содержания деятельности в личностный конструкт. Речемыслительная деятельность современного человека – это результат миллионов лет эволюции и комплексная работа высшей нервной деятельности по обеспечению способности к отражению и опосредованию нашего сознания, «включения системы речевых связей в значительное число процессов» [4, с. 202], перехода «от ощущения к мышлению» [там же]; при участии языка и речи осуществляются процессы слушания, внимания, запоминания, различные модусы перцепции и мышления и др. – все описанное в итоге даёт возможность и самому субъекту речи управлять психическими процессами. Следовательно, смыслопорождающая и коммуникативная деятельность, а также язык и речь как её базовый и базисный инструментарий – сложно организованная функциональная система, эволюционно, биологически, анатомически, физиологически и социально обусловленная по своему генезису, материальным субстратом которых являются «функционально комбинаторные центры» [6, с. 143], локализованные в коре головного мозга.

Слово как единица коммуникативного акта, выполняя номинативную функцию, вводит обозначаемый предмет в систему определенных связей и отношений по отношению к другим предметам, явлениям, свойствам и признакам. А его значение (смысл) сам по себе отпечаток социального лингвокреативного мышления, поскольку содержит обобщающее свойство предмета и зафиксировано в графическом знаке мыслительной операцией обобщения. Обобщение, в свою очередь, при вводе слова в коммуникативное пространство. Референтная

соотнесенность слова наряду с обобщением позволяет человеку «удваивать» мир, создавать особый образ действий и действительности, а также подвергать его анализу, что выражается в категориальном значении слова.

Образы и представления, зафиксированные в понятийных обозначениях, в языке посредством слова бывают лишены референтного содержания, но являют собой некий идеалистический паттерн представляемого предмета или явления. А.Н. Барулин, специалист в области семиотики, полагает, что естественный человеческий язык есть результат параллельной эволюции человеческого организма, социума и семиотических систем, которые их обслуживают. Один из важнейших промежуточных пунктов на этом пути – появление у Homo habilis способности и стремления адаптировать окружающую среду согласно своим потребностям (в том числе и коммуникативным) и в результате этого – способности к так называемому «обратному моделированию»: модель, первоначально построенная и зафиксированная нейрофизиологической деятельностью мозга, ревоплощается в мире (в виде материального объекта) и изменяет его. Чтобы поддерживать эту способность, необходима наследственно-генетическая передача этой способности, а для этого необходимо комбинаторная работа коммуникативной и мыслительной систем.

Усложнение знаковых комплексов среды обитания коррелирует с необходимостью возникновения разнообразных ассоциативных связей. Так, при активации комплекса нейронов, соответствующих некоторому одному знаку, активируются «сопутствующие» нейроны (синапсы), соответствующие некоторым другим. Кроме того, активация комплекса нейронов, связанных с каким-либо объектом, влечет за собой активацию другого комплекса нейронов, ассоциативно связанных с восприятием его цвета, запаха, формы и др., что, в свою очередь, может быть связано с соответствующими названиями. Возникновение ассоциаций чрезвычайно важно для функционирования языка, поскольку возможность связывать знаки со знаками в отсутствие обозначаемых предметов обеспечивает языку свойство перемещаемости (т.е. возможность говорить о вещах, удаленных в пространстве и/или во времени). Накопление, классификация, модификация, кодификация, ассоциативное словообразование и другие мыслительные операции над знаками с какого-то момента начинают давать возможность создавать новые знаки не на базе закрепленных, уже существующих моделей. Так в работе высшей нервной деятельности появляются сложные сетевые, синкретичные образы, представления, ментальные конфигурации, а также их комбинации и тождества, которые регистрирует текст в виде модели мира, хранящей в себе отпечаток производящего его ума.

Таким образом, «дискурсивное сознание» – это функциональная составляющая нейрофизиологической деятельности головного мозга, связанной с речемыслительной и когнитивной деятельностью и зафиксированной в тексте посредством вербально-невербальной модели мира, обладающей свойствами корреляции и измеряемости. Язык в структуре «дискурсивного сознания» – это пограничный механизм между оригиналом и моделируемым аналогом, который осуществляет процесс отражения, кодирования и транскрибирования информации, поступающей извне, в некий продукт деятельности. Дискурсивная функция слова продуцирует расширение поля семантического охвата физического мира и его преобразования, привлекая множество сопутствующих факторов экстралингвистического свойства – контекст слова, включение его в конкретную действенную ситуацию и многое другое, именно поэтому «дискурсивное сознание» является компетентной принадлежностью не только лингвистики, но и других смежных дисциплин. Полагаем, что описание когнитивно-дискурсивных зависимостей, существующих между языком и мышлением и спецификой их вербализации позволит описать абстрактную модель дискурсивного сознания, а значит попытаться понять творческий феномен языковой личности.

Список источников

1. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики: монография. Москва : Гнозис, 2005. 326 с.
2. Барулин А.Н. Семиотический рубикон в глоттогенезе. Ч. 1. Вопросы языкового родства. Москва, 2012. № 8. С. 33–74.
3. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. 2-е изд. Москва : Политиздат, 1977. 307 с.
4. Лурья А.Р. Язык и сознание / Под ред. Е.Д. Хомской. Москва : Издательство Московского университета, 1979. 186 с.

5. Лурия А.Р. Высшие корковые функции человека / Под ред. Е.Д. Хомской, Э.И. Кандель. Москва : Издательство Московского университета. 1962. 433 с.
6. Павлов И.П. Избранные произведения. Москва : [б. и.], 1949. Т. 6. 538 с.
7. Пелипенко А.А. Постигание культуры : монография: в 2 частях. Москва : РОССПЭН : Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2012. Ч. 1: Культура и смысл. 2012. 605 с.
8. Ремхе И.Н. Когнитивно-матричный аспект моделирования переводческого процесса : дис. д-ра филол. наук: 10.02.20. Уфа, 2022. 347 с.
9. Чейф У.Л. Значение и структура языка. Москва : Либроком, 2009. 430 с.

References

1. Alefirenko N.F. Spornye problemy semantiki: monografiya. Moscow: Gnozis. 2005:326.
2. Barulin A.N. Semioticheskiy rubikon v glottogeneze. Ch. 1. Voprosy yazykovogo rodstva. Moscow. 2012;(8):33–74.
3. Leont'ev A.N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. Moscow: Politizdat. 1977:307.
4. Luriya A.R. Yazyk i soznanie. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 1979:186.
5. Luriya A.R. Vysshie korkovye funkcii cheloveka. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 1962:433.
6. Pavlov I.P. Izbrannye proizvedeniya. Moscow. 1949;(6):538.
7. Pelipenko A.A. Postizhenie kul'tury: monografiya: v 2 chastyakh. Moscow: ROSSPEN: Fond «Prezidentskiy centr B.N. El'cina», 2012. Ch. 1: Kul'tura i smysl. 2012:605.
8. Remhe I.N. Kognitivno-matrichnyj aspekt modelirovaniya perevodcheskogo processa. Ufa. 2022:347.
9. Chejf U.L. Znachenie i struktura yazyka. Moscow: Librokom. 2009:430.

Информация об авторах

Е.Н. Бадалова – кандидат филологических наук.
К.Н. Гущина – кандидат филологических наук.

Information about the authors

E.N. Badalova – Candidate of Philological Sciences.
K.N. Gushchina – Candidate of Philological Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.04.2022; одобрена после рецензирования 30.04.2022; принята к публикации 11.05.2022.

The article was submitted 09.04.2022; approved after reviewing 30.04.2022; accepted for publication 11.05.2022.